

Глава тридцать шестая. Часть двадцать третья. Цзя Чжу вступает на государственную службу, Сяньюнь прибывает в поместье (Часть I)

После того как государь призвал новоиспечённых цзиньши на аудиенцию, а Министерство ритуалов устроило в их честь пышный пир, утомлённых виновников торжества наконец отпустили по домам. И Цзя Чжу, и Сююй вернулись в свои усадьбы совершенно обессиленными. Наскоро приведя себя в порядок, они легли спать, ведь уже на следующее утро им надлежало явиться в Академию Ханьлинь для назначения на должности.

Когда Цзя Чжу вернулся в поместье Жунго, радостная весть уже разлетелась повсюду. Четвёртое место на императорских экзаменах! Среди всех членов клана Цзя это был небывалый успех, затмивший даже достижения господина Цзина в былые годы. Вся усадьба ликовала. Счастливее всех были Матушка Цзя, госпожа Ван и Цзя Чжэн. Свекровь и невестка сияли от гордости, а обычно строгий и скупой на эмоции Цзя Чжэн сегодня улыбался во весь рот, не скрывая радостного возбуждения.

Вечером устроили пир горой. Пригласили родичей из соседнего поместья Нинго и всю многочисленную родню клана Цзя — веселье стояло неопишное. В поместье Линь тоже праздновали, однако там не обошлось без размолвок: Сююй, уязвлённый тем, что упустил звание лучшего на экзаменах, заперся в своих покоях и дулся на весь свет. Сколько домашние ни сбивались с ног, пытаясь выманить его наружу и утешить, молодой господин оставался непреклонен.

Сам же Цзя Чжу, успевший пригубить вина на официальном обеде в Министерстве ритуалов, за вечерней трапезой лишь слегка перекусил. Оставив родственников шуметь и веселиться, он откланялся перед старшими и поспешил к себе во флигель, чтобы пораньше лечь спать.

Поскольку явиться в Академию Ханьлинь надлежало к пяти утра, Цзя Чжу поднялся на ноги, едва миновал час Тигра. Первый рабочий день молодого чиновника всполошил всё поместье. Перед самым выездом Цзя Чжэн пришёл в кабинет сына и разразился долгой напутственной речью: подробно расписал, как кланяться начальству, как ладить с сослуживцами и вести дела. Напоследок он строго пригрозил кучеру Чжэн Вэню и молодому слуге Жуньби, чтобы те везли господина бережно и не смели отвлекаться. Тем временем госпожа Ван лично следила, как служанки собирают дорожный сундучок с кистями, тушью и сменным платьем, несколько раз перепроверяя, не забыли ли чего. Наскоро позавтракав, Цзя Чжу заглянул к Матушке Цзя выразить почтение, простился и сел в экипаж.

У ворот Академии Ханьлинь уже толпились новоиспечённые цзиньши. В зависимости от успехов на дворцовых экзаменах их распределяли по должностям. Кому-то достались места в столице — звания шуцзиши, секретарей-чжуши, канцеляристов, вестников или судейских урядников; других отправляли на периферию — судебными чиновниками, главами областей или уездными начальниками. Самым же невезучим оставалось лишь покорно ждать свободных вакансий.

Цзя Чжу, показавший превосходный результат, удостоился почётного звания шуцзиши — младшего помощника в Академии Ханьлинь. Ему предстояло три года набираться опыта под

началом старших чинов, после чего сдать строгий государственный экзамен. В случае успеха его зачисляли в постоянный штат. И хотя эта должность пока не давала официального ранга, она открывала прямую дорогу в высшие круги. Если за время службы не наделать глупостей, блестящая карьера и быстрое продвижение были обеспечены.

Цзя Чжу распределили в пару к другому молодому цзиньши по имени Сюй Чжоу. Желая укрепить товарищеские узы, он завёл с ним непринуждённую беседу. Вскоре их позвали. Навстречу вышел чиновник в скромном одеянии девятого ранга и представился помощником-дайчао при Академии. Молодые люди сперва решили, что именно под его началом им предстоит трудиться, но тот быстро разуверил их, пояснив, что лишь проводит их к господину чтецу-шицзяну.

Пока они шли по длинным коридорам, Цзя Чжу гадал, кто же этот загадочный наставник. Наконец провожатый остановился у дверей бокового зала и, приоткрыв створку, обратился к человеку, склонившемуся над письменным столом:

— Господин Хоу, Цзя Чжу и Сюй Чжоу прибыли.

Тот даже не поднял головы, лишь небрежно бросил в ответ:

— Хорошо. Можешь идти.

Когда дверь за помощником закрылась, сидевший за столом вывел ещё несколько аккуратных иероглифов, не торопясь отложил кисть и наконец выпрямился во весь рост.

Цзя Чжу так и замер на месте, едва не выдав себя от изумления.

— Неужто второй молодой господин Хоу?! — чуть было не сорвалось у него с языка, но он вовремя спохватился и вежливо поправился: — Так значит, нам выпала честь служить под вашим началом, господин Хоу?

«Хоть бы он не припомнил мне ту старую историю на пиру у принца Цзиня, — испуганно подумал Цзя Чжу. — Только бы не оказался мстительным!»

Хоу Сяохуа предстал перед ними в строгом тёмно-синем парадном одеянии, с аккуратной шапкой Чжунцзин на голове и в простых тканевых туфлях. Статный, безупречно сложенный, он излучал спокойную уверенность и строгость — разительный контраст с тем праздным юношей, которого Цзя Чжу видел когда-то в поместье принца Цзиня. На переносице у него покоились очки в черепаховой оправе с тонкой серебряной цепочкой, позволявшей спускать их на грудь.

«Вот уж воистину наследник дома Сю, — восхищённо вздохнул про себя Цзя Чжу, поражённый таким богатством. — Какое расточительство!»

В те времена очки считались редчайшим сокровищем. Обычное стекло ценилось на вес золота, а у Хоу Сяохуа линзы были выточены из чистейшего горного хрусталя. Оправа же из панциря редкой черепахи стоила никак не меньше тысячи серебряных ланов.

Пока Цзя Чжу укрощал в душе невольный укол зависти, размышляя о том, что даже между знатными родами пролегает пропасть в достатке, его спутник Сюй Чжоу, затаив дыхание от почтения, уже поспешил низко поклониться наставнику. Цзя Чжу тут же последовал его примеру.

— Нижайший поклон вам, господин Хоу, — в один голос произнесли молодые люди.

Сяохуа ответил на их приветствие едва заметным кивком. Он оставался бесстрастным, а взор — холодным. Он ни единым жестом не показал, что они с Цзя Чжу уже встречались прежде.

Решив прощупать почву, Цзя Чжу почтительно улыбнулся и заговорил вкрадчивым тоном:

— Мне уже выпадала великая честь встречаться с вами, господин Хоу. И то, что теперь провидение определило нас под ваше покровительство, — несомненно, счастливое предзнаменование. Наша связь крепка, как сама судьба.

Однако Хоу Сяохуа лишь слегка поправил свои дорогие очки и безучастно ответил:

— То, кто именно станет вашим наставником, решалось простой жеребьёвкой. Обыкновенная случайность. При чём тут предзнаменования?

Цзя Чжу промолчал, растерявшись от такого холодного отпора. Он-то наивно полагал, что Хоу Сяохуа выбрал его по старой памяти, а вышло, что всё решил слепой случай. От неловкости хотелось сквозь землю провалиться.

«Да уж, этот господин явно не из тех, с кем легко ладить, — подумал Цзя Чжу, украдкой косясь на сурового начальника. — Чует моё сердце, хлебну я горя за время службы».

Так для Цзя Чжу началась нелёгкая будничная служба в звании шуцзиши. Поскольку Хоу Сяохуа совмещал посты чтеца в Академии Ханьлинь и помощника главы Приказа дипломатических ритуалов, ему приходилось разрываться между двумя ведомствами. Он и Сюй Чжоу стали его доверенными помощниками, поделив обязанности.

Сюй Чжоу закрепили за Приказом дипломатических ритуалов, где он помогал улаживать дела с иноземными посольствами, следил за подношением даров, устраивал пышные приёмы и проводы иностранных гостей. Когда молодые шуцзиши собирались вместе за чаркой вина, они часто поддразнивали его:

— Везёт же тебе! Все мы тут киснем над старыми свитками, а ты крутишься среди послов да

заморских диковин. Помяни наше слово, взлетишь выше всех!

Сюй Чжоу на это лишь сокрушённо махал рукой:

— Да какая в том радость? Из-за этих вечных разъездов я совсем забросил каноны. Когда придёт время сдавать итоговый экзамен в Академии, я и пары строк связать не смогу!

Цзя Чжу же остался в самой Академии Ханьлинь. Поскольку Хоу Сяохуа славился глубочайшими познаниями, его часто призывали к императорскому двору для толкования канонов и составления летописей. Поручения сыпались одно за другим, и он целыми днями пропадал в пыльных архивах книгохранилища, выискивая нужные свитки и собирая выписки. Для его собственного образования эта работа оказалась неоценимым благом.

Хоу Сяохуа никогда не улыбался и требовал от подчинённых безупречной точности. Поначалу он казался совершенно нелюдимым сухарём, но со временем Цзя Чжу разглядел за этой ледяной маской редкую честность и абсолютное беспристрастие. Господин Хоу был истинным благородным мужем, не запятнавшим себя ни единой грязной сделкой. Его деда и дяди из поколения в поколение служили престолу, пользуясь безграничным доверием государя. Неудивительно, что ещё до того, как Цзя Чжу окончил своё трёхлетнее ученичество, Хоу Сяохуа уже был повышен до придворного учёного-шицзяна и получил чин младшего четвёртого ранга.

Впрочем, это произойдёт значительно позже, а пока вернёмся к началу службы молодого шуцзиши.

<http://bllate.org/book/18221/1761773>